

У Син Цзюньжана была одна роковая слабость — его мать.

Хоть Син Цзюньжань и не принадлежал к знатному роду, в его раннем детстве семья не бедствовала. Родители смогли отдать мальчика в школу, так что для своей деревни он стал редким грамотеем. К наукам у него имелся несомненный талант, однако в отрочестве он учился без особого рвения, не чувствуя за собой никакого долга.

Всё изменилось, когда Син Цзюньжаню исполнилось девять лет. Отец тяжело заболел, и за год семейные сбережения растаяли без остатка. Лишь столкнувшись с голодом и лишившись возможности учиться, мальчик осознал, насколько на самом деле важны были книги.

Мать Син Цзюньжана была женщиной властной и суровой. После смерти мужа она в одиночку взвалила на плечи заботу о сыне. При жизни супруга ей редко приходилось гнуть спину на тяжелых работах; к тому же природа наделила её миловидностью. И хотя писаной красавицей её назвать было нельзя, желающих взять молодую вдову в жены в округе хватало.

Но Старая госпожа Син и в молодости отличалась нестигаемой гордостью. Ради будущего сына и дабы избежать грязных слухов у своего порога, она взяла ножницы и безжалостно полоснула себя по щеке. С тех пор никто больше не смел заглядываться на изуродованное лицо вдовы. Так они и выживали — вдвоем, отрезанные от остального мира.

Все свои надежды Старая госпожа Син возложила на единственного сына. Смерть кормильца обрекла её на невыносимые лишения. Будучи женщиной неглупой, она понимала: только учение способно вырвать их из нищеты. Матушка потребовала, чтобы сын вернулся к занятиям. Юноша, зная, что за обучение нужно платить целый лан серебра в год, поначалу отнекивался. Но мать была непреклонна — она пригрозила наложить на себя руки, и Син Цзюньжаню пришлось подчиниться.

Чтобы добыть монету, женщина бралась за любую грязную работу. Годами стирала чужое белье, надрывалась в поле, а в самые голодные дни собирала на рынке гнилые овощные листья, выброшенные торговцами. За горсть зерна она была готова вцепиться в глотку любому соседу.

К счастью, Син Цзюньжань действительно обладал светлым умом, а семейное несчастье заставило его повзрослеть, сделав не по-детски молчаливым и упорным. Обучавший его старый учитель — почтенный сюцай — заметил прилежного юношу. Видя в нем задатки большого будущего, старик предложил Старой госпоже Син обручить Син Цзюньжана со своей дочерью. Это давало учителю законное право полностью взять на себя расходы на его дальнейшее обучение. Вдова согласилась без колебаний: для её сына это был единственный шанс выбиться в люди.

Но путь к чиновничьему креслу тернист. Семья наставника тянула эти расходы больше десяти лет. К счастью, несмотря на неудачи, падения и минуты черного отчаяния, Син Цзюньжань в итоге добился своего. Со второй попытки он блестяще сдал экзамены и удостоился звания цзиньши. Однако, не имея связей при дворе, новоиспеченный чиновник получил назначение в захолустный, нищий уезд на юго-западной окраине империи.

Молодой, полный благородного пыла и великих устремлений, Син Цзюньжань не унывал из-за глуши. Помня собственное голодное детство, он искренне желал облегчить долю бедняков. В этом захолустье он провел долгих девять лет. Всё это время его собственная семья жила в крайней бедности — и мать, и жена ходили в латаных-перелатанных платьях.

Жалованье уездного судьи не приносило большого дохода. Само жалованье было крошечным, да и то из-за удаленности уезда постоянно задерживалось, а столичные мздоимцы нещадно его урезали — если доходила половина, это уже считалось удачей. Каждую медную монету забирала Старая госпожа Син, бережливо выкраивая средства на скудное пропитание. От вечного недоедания и непосильного труда первая беременность супруги Син Цзюньжана закончилась выкидышем. Лишь спустя годы она смогла выносить ребенка — так на свет появился Син Юньци. Но даже когда мальчику исполнилось четыре года, кусок мяса на семейном столе оставался непозволительной роскошью. Тем не менее, усердным трудом Син Цзюньжаню удалось буквально преобразить вверенный ему уезд.

Когда же прежнего судью богатого уезда Минъань казнили за казнокрадство, на его место хлынули толпы искателей наживы. Однако император выбирал долго и придирчиво, пока его взгляд не пал на Син Цзюньжана. Государю было известно о его скромном происхождении, а безупречная честность и стойкость духа окончательно склонили чашу весов в его пользу. Так честный чиновник получил перевод в благословенный Цзяннань, в уезд Минъань.

Эти южные земли издревле славилась богатством: край соли, цветущих садов и зажиточных людей. Готовясь к переезду, Син Цзюньжань понимал, что едет в процветающие края, а потому на последние гроши нанял мальчишку-слугу править повозкой, дабы не выглядеть совсем уж жалко перед новыми подданными.

Но лишь прибыв в Минъань, он осознал, как выглядит настоящий земной рай. Прохожие на улицах щеголяли в изысканных шелках — куда там заплатам его жены и престарелой матери! Когда в первый день судья подошел к дверям управы, стражники наотрез отказались верить, что перед ними их новый господин, и едва не прогнали его как последнего оборванца.

В тот же день Старая госпожа Син и супруга уездного судьи увидели, как маленький Юньци подбежал к дверям роскошного трактира и завороченно втягивает носом аромат жареного мяса. Сердце старой женщины не выдержало: она прижала внука к груди и горько разрыдалась.

Каким бы нищим ни казался Син Цзюньжань, он оставался полноправным хозяином уезда. О взятках он и слышать не желал — врожденная гордость и чиновничья честь не позволяли ему запятнать имя.

«Пусть лучше по миру пойду, но чести не продам», — твердил он себе.

Сметливые местные купцы быстро это поняли и понесли серебро не в управу, а прямо к нему в

дом.

Когда госпожа Син впервые увидела грудку сверкающего серебра — целых пятьсот ланов! — у неё потемнело в глазах. Дрожащими руками она прижала к себе сокровище, умирая от страха. Но едва дарители скрылись за порогом, женщина бросилась на рынок и накупила мяса на целый серебряный слиток. Наблюдая, как сын жадно уплетает невиданное угощение, госпожа Син беззвучно плакала. Столько мяса она не видела за все годы замужества. Маленький Юньци набивал рот до тех пор, пока живот не округлился, но всё равно не хотел выпускать лакомый кусок. Именно в тот вечер госпожа Син безвозвратно решила: они больше никогда не вернутся в нищету.

«Они больше никогда не вернутся в нищету», — поклялась себе госпожа Син.

Лишь три месяца спустя Син Цзюньжань случайно узнал, что жена берет подношения. В ярости он приказал немедленно вернуть всё до последнего гроша. Однако тихая госпожа Син впервые в жизни проявила характер и наотрез отказалась.

Старая госпожа Син, глядя на округлившиеся щечки внука и сравнивая их нынешнюю жизнь с беспросветными годами на юго-западе, тоже решила промолчать. К тому же слова купцов казались ей вполне разумными: во всем Минъане власть Син Цзюньжана была безграничной, так кто посмеет пойти против его семьи?

С этого момента их дом зажил в достатке. Женщины знали, что глава семейства не желает видеть грязные деньги, а потому припрятали богатства в тайно купленной загородной усадьбе. Сюда стекалось серебро от тех, кто избил соседа и не желал идти под суд, или от местных богатеев, повздоривших из-за девки. Все эти дразги Старая госпожа Син и госпожа Син улаживали втайне от Син Цзюньжана. Поначалу они трепетали перед разоблачением, но шло время, месяцы складывались в годы, а тайное так и не становилось явным. Постепенно страх сменился сытой уверенностью.

Сам Син Цзюньжань действительно никогда не прикасался к этим деньгам. Семья по-прежнему ютилась в скромных комнатах на заднем дворе управы, создавая видимость благопристойной бедности. Судья по-прежнему вел аскетичный образ жизни, тратил личное жалованье на помощь сиротам и калекам и искренне проливал слезы над их горькой долей. В глазах простого люда он оставался праведником. Добродетельным мужем, верным прежним идеалам.

И всё же этот «безгрешный» праведник втайне не чурался роскоши, да и к нежным объятиям прелестниц Минъаня питал слабость. А подобные улады, как известно, требуют немалых трат.

Однако этой двойной игре суждено было закончиться. Дамба Пухэ, возведенная из рук вон плохо, не выдержала первого же серьезного ливня — плотину прорвало.

При виде бушующего потока первой мыслью Син Цзюньжана было:

«Мне конец».

Но вскоре в его руках оказалось таинственное послание. Незвестный предлагал ему спасение: нужно было через своего давнего сокурсника по экзаменам переложить всю вину за катастрофу на генерал-губернатора Лянцзяна Чжоу Мааня. Син Цзюньжань пошел на эту сделку. Он понятия не имел, в чьих руках находился поводок, но ради спасения собственной шкуры без колебаний предал невинного.

Перед лицом неминуемой кары Старая госпожа Син, захлебываясь слезами, выложила всё о взятках, что брала лично. Госпожа Син, в свою очередь, созналась в грехах, о которых не знала даже свекровь. Как-то раз сынок богатого семейства похитил крестьянку и до смерти забил её мужа; госпожа Син получила за это десять тысяч ланов серебра и, воспользовавшись именной визитной карточкой мужа, собственноручно освободила убийцу.

Подобных бесчинств набралось немало — в обход свекрови госпожа Син умудрилась прикарманить более двухсот тысяч ланов. Услышав это, старуха прямо в зале суда разразилась площадной бранью, проклиная невестку. Син Цзюньжань со стеклянным взглядом наблюдал за этой безобразной сценой, а его избалованный, далекий от мирских забот сын Син Юньци лишь испуганно хлопал глазами, до сих пор ничего не понимая.

Хан Сиэнь с ледяной усмешкой оглядел съежившегося судью:

— Ты прекрасно знал, что твоя мать и жена берут взятки. К чему теперь эта комедия с неведением? Уберите их с глаз моих и запирайте под замок.

Люди Цзи Ло перевернули загородную усадьбу семейства Син и обнаружили там целое состояние — больше миллиона ланов чистым серебром. При виде этого богатства у Гао Фэна глаза полезли на лоб, а Цзи Ло лишь задумчиво переводил взгляд с сокровищ на Хан Сиэня.

Бай Шу, заметив это, склонил голову набок и спросил Хан Сиэня:

— Откуда ты знал, что он погряз в кумовстве и взятках? А если бы он не сознался?

— У него слишком ухоженная, изнеженная кожа для человека, перебивающегося с хлеба на воду. Такое не сыграешь, — небрежно бросил Хан Сиэнь.

Конечно, раскрывать свой дар читать чужие мысли он не собирался, а потому с легкостью выдал эту полуправду. Бай Шу же, уловив молчаливое замешательство в мыслях Цзи Ло и Гао Фэна, нарочно задал этот вопрос вслух, чтобы развеять их сомнения.

— Наследник, а если бы подозрения не подтвердились? — тихо спросил Гао Фэн, покусывая губы.

Хан Сиэнь одарил его равнодушным взглядом:

— Тогда это сочли бы за оскорбление императорского указа. По возвращении в столицу я бы просто расплатился собственной головой.

Гао Фэн шумно сглотнул и поспешил замолчать, решив, что Наследник разгневан.

Цзи Ло воспринял эти слова спокойно. В прошлой жизни Хан Сиэнь точно так же не дорожил собой и ушел из жизни слишком рано. И в этом воплощении его презрение к смерти делало любые безумные выходки вполне естественными. Однако Цзи Ло подумал, что раз уж в этой жизни Хан Сиэнь развернулся так ярко и шумно, будет невыразимо жаль, если через пару месяцев он снова решит покончить с собой.

Решив предостеречь кузена, он мягко произнес:

— Это неоправданный риск. Пусть ты и наделен полномочиями императорского уполномоченного, впредь не горячись. Отец — твой повелитель, а ты лишь подданный. Его терпение не безгранично.

Хан Сиэнь лишь безучастно кивнул в ответ и повернулся к Гао Фэну:

— Казначейские средства для помощи пострадавшим мы сможем распечатать только по прибытии в резиденцию генерал-губернатора. А пока пустим в дело это изъятое серебро. Закупите простое зерно, чтобы люди воспряли духом. На цену внимания не обращайтесь — пусть будет чуть выше обычной. Но если кто-то из лавочников вздумает придерживать запасы или безбожно задирать цены, хватайте мерзавцев без лишних разговоров. Как только народ Минъяня поймет, что голодная смерть им не грозит, пусть гвардейцы распределяют работу: соберите всех здоровых мужчин и отправьте на восстановление плотины. Проведай, сколько платили рабочим раньше, и объяви, что мы даем вдвое больше, причем с ежедневным расчетом. Этого миллиона ланов должно с лихвой хватить на прочную дамбу, верно?

Гао Фэн немного подумал и уверенно кивнул:

— Да, господин, этого более чем достаточно.

— Разумное решение, — улыбнулся стоявший рядом Цзи Ло. — Син Цзюньжань под стражей, и

Минъань временно остался без управления. Обездоленные люди без дела быстро пускаются во все тяжкие, а так они сами отстроят плотину, получат плату и увидят, что жизнь налаживается. Появится надежда на будущее. Одно лишь тревожит: если в тихом Минъане творится подобное, то в других уездах дела наверняка обстоят куда хуже.

Хан Сизнь промолчал. Глядя на его бесстрастное лицо, Цзи Ло невольно подумал, что на пути к Лючжоу его непредсказуемый кузен едва ли пощадит хоть кого-то из казнокрадов.

<http://bllate.org/book/20088/2002006>